

A black and white photograph of a river valley. A road winds through the valley, flanked by dense forest. The hills in the background are also covered in trees. The overall scene is a natural, rural landscape.

Закир Ярани

Князь

повесть

Закир Ярани

КНЯЗЬ. ПОВЕСТЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48565259

ISBN 9785005073648

Аннотация

О социальном конфликте в среде кавказского народа адыгов (черкесов) в период распространения на Северном Кавказе ислама сквозь призму мировоззрения одного из местных народных предводителей и феодальных вождей.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Князь Повесть

Закир Ярани

© Закир Ярани, 2019

ISBN 978-5-0050-7364-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Западная Черкесия, XVII век

Ветер пробежал по голым древесным кронам, и мартовский лес отозвался шуршанием и стуком ветвей, звуком падения кусочков дубовой коры на бурый ковер опавшей листвы. Островки снега, покрытые темной лесной пылью и следами мелких животных, белели среди морщинистых дубов, гладких светло-серых грабов, раскидистых кизилов. В глубокой балке под желтым земляным обрывом журчал мутный от весенней грязи ручей. Выше обрыва поднимался крутой склон взгорья, поросший лесом, и на нем в густых зарослях кизила притаился с луком и стрелой Тлизанд, а рядом тихо сидел, внимательно наблюдая за охотой зиусхана¹, одина-

¹ Зиусхан – господин; обращение к князю.

дцатилетний Ужи. Ветерок шевелил длинные пряди черного войлока на покрывавшей плечи и спину князя широкой бурке. Черная бурка и темно-коричневая тулья шапки с черной же лисьей опушкой сливались с цветом кизиловых ветвей, а Ужи, сидевший выше и левее князя, вообще был почти не виден из балки. Охотники были так сосредоточены на ожидании появления добычи, что не замечали холодка, от долгой неподвижности начинавшего проникать под теплую зимнюю одежду.

Вот краем глаза Тлизанд заметил в дальней стороне на дне балки движение. А через секунду привычно угадал, что идет стадо косуль. Послышался треск валежника, зашуршала опавшая листва под маленькими копытами. Вожак стада степенно прошагал прямо по участку снежной целины возле тонких веточек бересклета. Издали слышались разносившиеся по лесу удары полена о полено: люди вспугивали добычу. Косули, тревожимые шумом, торопливо продвигались по балке вниз и быстро приближались к тому месту, где в кустах над обрывом засел в засаде Тлизанд. Князь медленно привстал и поднял лук, одновременно натягивая тетиву. Он уже выбрал пятнистого самца косули с темными рожками, который шагал, принюхиваясь, вдоль поблескивающей ленты ручья. Тлизанд видел, как из-под копыта задней ноги оленька вылетел кусочек древесной коры, упал в ручей и быстро поплыл вниз по течению.

Из пищали отсюда было бы куда удобнее целиться, так как она длинная и узкая. Но пищали и пистолеты, пули и порох стоили дорого, и Тлизанд берег огнестрельное оружие на случай войны, то же велел делать и своим дворянам. Обычно он на охоте располагался в дальней от стада точке, чтобы бить предварительно испугнутого первой стрелой зверя на бегу. Но сейчас уже вторую охоту он изменял своему обыкновению и сидел в первой засаде – чтобы сделать именно первый выстрел. Во время прошлой охоты – на стаю волков, зимой сильно досаждавшую тфокотлям², он показывал, как надо сидеть в засаде и делать первый выстрел другому своему маленькому прислужнику Псекабзу. Теперь он намеревался показать это же Ужи в охоте на косуль. Он хотел, чтобы мальчики, когда вырастут, стали его личными воинами.

Тлизанд услышал тихий шепот зачарованного охотой Ужи: «Бей, бей!..», и еле заметно усмехнулся. Расстояние еще было недостаточным для большой вероятности попадания стрелы. Но вот косуля вышла прямо туда, куда должна была лететь стрела. Тлизанд негромко свистнул. Негромко, поэтому свист не напугал животных, но привлек внимание намеченного самца, который разом остановился и повернул

² ТфэкьолI (буквально: «просто рожденный») – у адыгов в старину: свободный крестьянин-общинник, самое многочисленное из сословий.

рогатую голову. Тлизанд тут же сместил, целясь, лук чуть правее и плавно отпустил тетиву; стрела с грозно поющим звуком мелькнула в воздухе над балкой, и косуля упала набок, в агонии дергая ногами.

Все стадо стремительно пустилось бежать по балке; зашвистели стрелы, выпускаемые из засад дворянами, и еще две косули упали на бегу. Остальное стадо уходило дальше, и треск, шорох и стук разносились по ранневесеннему лесу.

– Ты попал, попал, зиусхан! – с ликованием воскликнул Ужи, вскочив на ноги и от радости подпрыгивая в кустах. Тлизанд тоже встал, опустив лук. И потянулся, разминая затекшую спину. Затем отодвинул длинную и толстую, изогнутую дугой кизилковую ветвь и вышел из кустов, ступая сапогами по шуршащей бурой листве.

– Воину немудрено по воле Аллаха попасть в цель, когда она ничего еще не подозревает, – сказал он. – и на войне надо всегда стараться обмануть и опередить врага, ведь там перед тобой не косули, а такие же умные и сильные воины, как и ты. Принеси мне мою добычу.

Ужи повернулся и побежал к сходящему в балку узкому оврагу с крутыми склонами. Он проворно слез вниз по трещавшему под его тяжестью валежнику, который кучами ле-

жал в овраге. Подбежал, перепрыгнув ручей, к лежащей на быстро заплывающем кровью снегу косуле, обошел ее и, взяв животное за задние ноги, изо всех детских сил потащил ко входу в овраг. Тлизанд стоял над обрывом и тихо посмеивался, глядя, как мальчик, сопя от натуги и негромко ругаясь, тщетно пытается втащить за ноги застрявшую в валежнике тяжелую для него тушу в овраг.

– Оставь ее! – сказал он прислужнику через некоторое время. – Тебе не затащить ее сюда. Пусть люди забирают.

Оставив косулю на куче валежника, Ужи по крутому склону выкарабкался из оврага и, отряхиваясь от приставшей к зимнему кафтанчику листвы и лесного мусора, с несколько удрученным видом подошел к князю.

– Не так важно, что ты сейчас не можешь принести мне мою добычу, – утешил его Тлизанд. – Важно, чтобы ты потом смог принести мне в нужную минуту мое оружие.

– Я бы принес, – произнес Ужи, поглядывая в темный в зеленых травяных пятнах ковер лесной подстилки под ногами, – но там сучья мешают...

– Ничего, – сказал Тлизанд, – люди придут и заберут. Я хочу, чтобы ты стал воином, а не носильщиком звериных туш.

Ужи кивнул.

– Пойдем! – сказал Тлизанд и, приобняв мальчика за плечи, направился с ним вверх по лесистому склону от обрыва. – Дворяне уже идут.

Скоро все охотники собрались на красиво зеленевшей молодой весенней травой поляне, окруженной серо-белесой стеной леса. Кони бродили по опушке и щипали еще нежную, сочную траву. Крепостные люди, приехавшие с князем и дворянами на охоту, развели костер и занялись подготовкой добытого мяса к жарке. Косулю, подбитую князем, было решено приготовить сейчас же, а остальных двух забирали домой добывшие их старший дворянин Батыр Дзана и Мышетль Бэдж. Снять с убитой им косули шкуру Тлизанд поручил маленьким прислужникам Ужи и Псекабзу, так как всякий воин должен был уметь свежевать и готовить дичь. Мальчики уже достаточно хорошо умели свежевать косуль, зайцев, оленят и ощипывать птицу. Хотя косуля для них была еще слишком крупной, чтобы они управились с ней быстро, но все же Ужи и Псекабз, повозившись, сняли с нее шкуру и убежали в лес счищать снегом косулю кровь с рук. Тем временем люди стали разделывать освежеванную детьми тушу для зажаривания.

– Возьмите себе одну заднюю ногу, – разрешил им Тлизанд.

Наконец, косуля была приготовлена, Тлизанд и дворяне сели обедать на расстеленные по траве кошмы возле главного костра, а люди и Ужи с Псекабзом – у другого костра на дальней стороне поляны. Как ни любил Тлизанд своих мальчиков, рабам неприлично было есть рядом с князем и его служителями – дворянами. Но князь тешил себя мыслью, что когда дети, если позволит Аллах, станут его воинами, их не стыдно будет посадить возле себя на трапезе, потому что тогда они тоже будут считаться благородными людьми.

Тлизанд первым взял горячий кусок только что зажаренного с луком шашлыка, посыпал его чесночной солью и сказал:

– АльхамдулиЛлах! Велик Аллах, Который послал нам удачу сегодня на охоте, и Милостив! БисмиЛлахир-Рахманир-Рахим! – и приступил к еде.

– БисмиЛлахир-Рахманир-Рахим!

– БисмиЛлахир-Рахманир-Рахим!.. – дворяне тоже принялись за еду, вознаграждая себя за проведенные в засаде

в холодном лесу часы.

Некоторое время проголодавшиеся охотники ели молча. Мартовский лес шумел и поскрипывал на небольшом ветру, дыша свежим запахом начинающейся весны. Солнце, уже прошедшее зенит, ласково светило в чистом голубом небе. И можно было не кутаться от холода в теплую бурку. Из леса доносилось чириканье первых весенних птиц, а над пышными, хотя еще не одевшимися листвой, кронами дубов и грабов то и дело взлетали и парили кругами темно-рыжие коршуны.

– Все-таки косуля – это не очень ценная добыча, – проговорил один из четырех старших дворян Едыдж Коджемаф. – Не обижайся, мой князь, это я говорю не о том, что ты плохой охотник, а что сегодня лес не богат добычей.

– Если ты попробуешь посчитать милость Аллаха, Едыдж, – сказал Тлизанд, – ты ее не сочтешь. Так что лучше благодари Аллаха за то, что Он дал тебе глаза, руки, ноги, да еще и позволил родиться в знатной семье.

– Да, ты прав, князь! – согласился Едыдж и, подняв руки ладонями вверх, стал читать слова благодарности Аллаху.

– Уже год в твоём владении, мой князь, нет ни одного лес-

ного быка, – заметил другой старший дворянин Батыр Дзане.

– Лесных быков у нас становится все меньше, – кивнул Тлизанд и, улыбнувшись, добавил, – они медленно плодятся, а всякому дворянину хочется показать свою удаль и добыть быка. Поэтому они уходят в горы к абадзехам, где дворян не так много.

Сидевшие у костра засмеялись.

– Тогда, может быть, пока воздержимся от травли лесных быков? – предложил третий старший дворянин Тыгуж Тхатлико.

– Нам придется воздержаться от нее, потому что быков в лесу князя просто уже нет, – сказал Батыр Дзане.

– Я помню, как Джабгу наповал поражал лесного быка одной стрелой, – произнес Едыдж, – поистине, надо иметь зоркий глаз, чтобы издали попасть стрелой быку в шею.

– Джабгу, похоже, остается до конца верным Карбечу, – сказал Батыр, – давно мы их не видели на охоте.

– Мой князь, – обратился к Тлизанду четвертый старший дворянин Псечеф Пцелифыж, – твое мнение, конечно, для

нас закон, но мне кажется, что Карбеч своим отсутствием на охоте проявляет неуважение к тебе и к нам. Если бы это было в первый раз... Я думаю, мой князь, что ты должен поговорить с ним.

– Он выполняет повинности, которые положены по обычаю, – сказал Тлизанд, – Я не могу силой принудить такого человека как Карбеч к участию в охоте.

– Просто завтра он откажется служить тебе, – сказал Едыдж, – Ведь службу должна скреплять еще и дружба. Заметь: Карбеч негодует от того, что ваш род принял, как он считает, ногайскую веру. Если начнется война с натухайцами, разве он пойдет против таких же, как он? Он бросит нас, мой князь.

– Что же ты мне предлагаешь? – спросил Тлизанд, запивая косулятину айраном из походной кринки. – Я не имею права принудить его к принятию религии Аллаха. И изгнать его от себя тоже не могу, потому что в своей службе он верен мне. Кроме того, ты знаешь, что мой брат находится с ним и поддерживает его.

– Через некоторое время, – сказал Едыдж, – это приведет к тому, что ваш княжеский род разделится. Карбеч и его дворяне провозгласят князем над собой твоего брата и заберут

себе твои земли, которые твои предки дали им для службы.

– Уже давно враждует между собой весь адыгский народ, – заметил Тлизанд, – Мусульмане враждуют с гяурами, гяуры враждуют между собой. В моих владениях пусть слабо, но держится мир. Разве я не должен его сохранять?

– Братья, – сказал Тыгуж, – я считаю, что наш князь совершенно прав. Помните, как учил Абдулькарим-мулла: всякая спешка от шайтана.

– Это пророк Мухаммад, саляЛлаху алейхи вас-салям (*Благословение Аллаха над ним и мир*), – при этих словах Батыра Дзана все их повторили, отдавая дань почтения последнему пророку Аллаха, – говорил.

– Верно, – кивнул Тыгуж, – А кто был более мудр, чем наш Пророк? Ведь если наш князь отберет землю у Карбеча, в то время как тот ему служит так, как требует обычай, все соседи обвинят нашего князя в несправедливости. Будут говорить, что Тлизанд принуждает высших дворян принимать ислам, который для них – религия ногайцев и турок. Тогда у Карбеча сразу найдется много сторонников, тем более, что его поддерживает родной брат нашего князя. А как мечтают рассчитаться с нами за свои поражения натухайцы! Нет! Пока Карбеч сохраняет верность нашему князю хотя бы в пре-

делах обычая, не надо с ним ссориться.

– Да, но вот я боюсь, что он однажды нанесет нам удар в спину, – сказал Псечеф.

– Ну, ты уж, наш брат, не преувеличивай! – заметил Батыр, вытирая руки пучком молодой мартовской травы, – Карбеч расчетлив, властолюбив, где-то жесток, но не бесчестен. Он не оставит своего князя, не заявив об этом. И даже в этом случае он вернет дворянский дар³.

– Нет, – покачал головой Едыдж, – дворянский дар он не вернет.

– Почему? – удивился Батыр, – разве Карбеч может зариться на имущество князя, роду которого служили его отцы?

– Свой дворянский дар он просто объявит собственностью брата нашего князя, – сказал Едыдж, – и тот его поддержит, потому что ненавидит нашу религию.

– Да, пожалуй, правда, – согласился после небольшой паузы Батыр, – об этом я не подумал. Но все же Карбеч не по-

³ Дворянский дар – земли с крепостными крестьянами, боевой конь и оружие, которыми князя наделяли за службу своих дворян.

вернет на нас свое войско, не предупредив. Правда известна одному Аллаху, но я так думаю.

– И я так думаю, – сказал, многозначительно кивнув, Тлизанд, – Но я, конечно, поговорю с Карбечем и скажу ему, что мне и вам неприятно это избегание с его стороны. И что недоверие мешает службе.

– Действительно, это мудрое решение, – проговорил Псе-
чеф.

– Да укрепит нас Аллах! – сказал Едыдж.

Прочие дворяне, которым неприлично было вмешиваться в разговор князя и старших дворян, негромко обсуждали, в общем, то же самое: как будут впредь идти отношения со старшим дворянином Карбечем Бгэжико, который единственный из всех старших дворян со своей семьей отказался принять Ислам и обвинил князя Тлизанда в дружбе с ногайцами и турками против адыгского народа. К нему в дом переселился и младший брат князя Атлеш, который тоже, не смотря на то, что их отец вошел в религию Аллаха незадолго до своей кончины, не пожелал последовать примеру отца и старшего брата.

После обеда стали делать на поляне полуденный намаз.

Перед этим по траве расстелили молитвенные коврики в сторону Киблы, где находилась священная мечеть Харам в далекой Мекке. Спустившись к ручью, мусульмане совершили омовение, затем, вернувшись на поляну, стали выстраиваться в ряд на ковриках. Среди людей тоже были два мусульманина: Бэджац и Хаче. Бэджац прочитал громко азан – призыв к молитве, затем икамет – сигнал к началу молитвы. Вперед возглавлять молитву, делать имамет, встал как вождь джамахата⁴, сам князь. В ряд с дворянами встали на молитву и Бэджац с Хаче, и маленькие прислужники князя Псекабз и Ужи. Для дворян многих других адыгских князей, которые не приняли ислам, выглядело скверным и унижительным стоять бок о бок, плотно прижимаясь, с челядью, и за это дворянин-гяур мог бы быть изгнан из своего рода за оскорбление адыгской чести того. И это была далеко не последняя причина, по которой многие князья и дворяне, в том числе Атлеш и Карбеч, отвергали религию Аллаха. Но Аллах повелел в Коране всем мусульманам во время молитвы стоять плотно сомкнутыми рядами, потому что все мусульмане перед Аллахом равны. И хотя это оскорбляло ревнителей адыгства, ничего поделать мусульмане не могли.

После намаза люди стали убирать остатки обеда, а князь

⁴ Джамаат (адыг. «джэмэхьат») – мусульмане, живущие по соседству и совершающие молитву в одной мечети; группа мусульман, совершающая совместный намаз; вообще устойчивая группа мусульман.

с детьми-прислужниками и дворяне разъехали по лесу пострелять для себя мелкой дичи. За деревьями они потеряли друг друга из виду, но среди еще не одевшихся листвою крон и стволов хорошо разносились лихие выкрики и гиканье всадников, вытравливавших добычу из кустов и оврагов. За князем на бурых конях неотступно следовали его маленькие слуги, которые уже хорошо держались в седлах, пусть их кони и отличались очень смирным нравом. Когда они втроем двигались вдоль глубокого оврага с крутыми склонами, выходящего там дальше в низину, где подстрелили косуль, на другой стороне среди серых древесных стволов замелькала как рыжее пятно вспугнутая шумом тетерка. Тлизанд, натянув поводья, остановил коня, быстро выхватил лук и стрелу из колчана, прицелился и выстрелил прежде чем птица успела скрыться в высоких кустах. Стрела со свистом пролетела над оврагом, и тетерка забилась на склоне того, обгаоря кровью снег возле обросшего густо-зеленым мхом кривоногого грабового ствола.

– Ты попал, мой князь! – восторженно вскричал Ужи.

– АльхамдулиЛлах! – воскликнул Тлизанд и пустил своего серого коня вскачь с лесной кручи. Со страшным треском и шорохом разлетелись из-под копыт снег, лесная труха и мерзлая земля. Всхрапнув, конь перескочил через заваленное гнилым валежником желтое дно оврага и, как барс, вска-

рабкался на противоположную кручу; несколько веток упруго ударили по бурке князя. Тлизанд остановил коня на склоне возле уже лишь слабо шевелящей крыльями пронзенной стрелой тетерки, чувствуя его тяжелое дыхание. Густой пар клубился из ноздрей коня, а по обоим склонам оврага пролегли следы из развороченных земли, снега и бурой опавшей листвы. Тлизанд слышал, что Ужи и Псекабз о чем-то негромко переговариваются, а затем Псекабз осторожно стал подъезжать к тому месту, откуда князь пустил коня через овраг.

– Стой! – крикнул ему Тлизанд. – Ты можешь не справиться!

– Почему? – прокричал в ответ Псекабз, останавливая своего коня.

– Потому что это не так просто, как кажется, – заметил князь. – Только уже хороший воин может удержаться на коне, когда тот прыгает с такой крутизны. Тебе и Ужи еще предстоит, иншаЛлах, этому научиться.

– А когда? – чуть разочарованно крикнул Псекабз, и лесное эхо гулко разнесло чистый и звонкий детский голос под серым лесным пологом, сквозь который сияло голубое весеннее небо.

– Когда время подойдет, – улыбнулся Тлизанд. – а пока учитесь стрелять из лука.

– Я уже три раза попадал в курицу! – вступил в разговор Ужи.

– Молодец! – ответил князь. – Но в бою надо уметь поражать врага так, как я поразил сейчас этого тетерева. Поэтому учитесь! БисмиЛлах! – свесившись с седла, он поднял добытую тетерку за пронзившую ее стрелу. Затем с добычей таким же лихим броском на коне через овраг вернулся к своим мальчикам-прислужникам.

– Возьми, – он снял теплую тушку тетерки со стрелы и отдал ее Псекабзу. Тот всунул птицу в котомку для дичи. – Поехали, чтобы кони не остыли.

Не торопясь, они поехали вдоль оврага без определенной цели. Псекабз, бывший примерно на год старше Ужи, ехал слева от князя, Ужи справа.

– Ну, Ужи, что ты заметил, когда я стрелял в косулю? – спросил Тлизанд. Ужи, привыкший к подобным вопросам князя, задумался. Затем сказал, улыбаясь:

– Не знаю, зиусхан!

– И ты не запомнил, как надо останавливать добычу?

– Свистом! – сказал Псекабз.

– Точно! – воскликнул Ужи. – Ты свистел, зиусхан!

– Зачем ты подсказываешь, Псекабз? – вздохнул Тлизанд, покачав головой.

– Ой, зиусхан, прости меня, я не подумал! – воскликнул Псекабз.

– Ладно уж, – сказал Тлизанд. – Только свистеть надо негромко, чтобы не напугать зверя. Иначе он убежит сразу.

– Правда! – сказал Ужи. – А когда ты дашь нам выстрелить в косулю?

– Когда вы будете убивать не курицу, а месячного цыпленка, – сказал Тлизанд. – Иначе у вас не хватит меткости для лесной дичи.

– А когда ты нам дашь выстрелить в оленя? – спросил, улыбаясь, Псекабз.

– Когда научитесь метко попадать в косулю, – сказал Тлизанд.

– А в медведя? – усмехнувшись, спросил Ужи.

– А на медведя, – сказал Тлизанд. – с луком и стрелой ходит безумец. На медведя идут человек пять – десять воинов с хорошими копьями.

– А саблей медведя можно добыть? – спросил Псекабз.

– Можно и кинжалом, – ответил Тлизанд. – но это сможет сделать только очень опытный охотник.

Ужи рассмеялся и стал разяснять, что очень забавно будет выглядеть, когда охотник станет махать на медведя саблей, а медведь на охотника – своей когтистой лапой. Получится рубка на сабле и когтях, и кто кого зарубит – неизвестно. Псекабз же заявил, что в будущем непременно добудет медведя кинжалом, хотя бы для этого пришлось выдержать тяжелые ранения. Тлизанду понравились его заключительные слова: «Если Аллах не решил, что меня убьет медведь, то медведь меня ни за что не убьет».

Обоих мальчиков Тлизанд добыл в походе на натухайцев три года назад. Натухайский князь Пщыгу принял ис-

лам и принес присягу верности хану Джамбечу⁵. Но его род, враждовавший с Крымом и турками, объявил князю войну, желая, чтобы он оставил свои земли и навсегда ушел в Крым или Турцию. Только немногие дворяне остались верными Пщыгу, и он запросил помощи у крымцев и Тлизанда. Тлизанд привел свое войско в Натухай, где соединил силы с отрядом ногайцев и оставшимися верными Пщыгу людьми. Вместе они разбили войско родственников Пщыгу и помогли тому снова вокняжиться на своей земле. Но родственники Пщыгу и ушедшие от него дворяне не смирились с поражением, призвали на помощь другого князя-гяура Тлишхо. Тлизанд с войском разбил войско Тлишхо и захватил селение тфокотлей, сражавшихся за одного из старших дворян того. Дворяне Тлизанда взяли в плен много людей, которых продали ногайцам, но двоих маленьких мальчиков князь не разрешил продать, а забрал их себе, потому что ему стало жалко, что дети вырастут где-нибудь в крымских или турецких владениях, забыв свое адыгство. Тем временем князь Тлишхо снова собрал большое войско, призвал на помощь еще нескольких натухайских князей и нанес войску Тлизанда небольшое, но все же поражение, заставив мусульман отступить от его владений. Но когда войско Тлишхо попыталось захватить земли Пщыгу, адыги-мусульмане с помощью ногайцев отбили нападение. В итоге был заключен договор, что Пщыгу остается в своих владениях и может исповедовать

⁵ Джанибек Герай (Гирей) – хан Крыма (1610 – 1623; 1628 – 1635).

какую хочет религию, а Тлизанд и ногайцы уходят из Натухая со всей добычей. Тлизанд с войском вернулся домой и привез с собой двух маленьких пленников. Как оказалось, у Ужи отец давно погиб в бою с ногайцами, а мать продал после набега на селение дворянин Нэф-Зэотль, служивший у старшего дворянина Батыра Дзанае. Родители и старшие брат и сестра Псекабза все были захвачены и проданы ногайцам воинами Тыгужа Тхатлико.

В имении Тлизанда мальчики довольно скоро приняли ислам и стали жить в княжеском доме как личные служки князя и княгини. Но князь и княгиня сильно полюбили маленьких невольников, имевших живой нрав и чистую детскую искренность, поэтому решили воспитать их как свободных воинов, которые были бы потом лично преданны князю в эти тревожные времена. Дети, в свою очередь, тоже привязались к Тлизанду и княгине Мэзанэф, так как больше некому было о них заботиться.

К вечеру охотники собрались снова на поляне, совершили третий намаз, после чего веселой разговорчивой колонной двинулись по домам. Выехав из леса, покрывавшего пологое взгорье, нагруженные добычей дичью всадники стали съезжать в широкую долину, черневшую выжженными под яровые посевы полями, зеленевшую озимыми всходами. Далеко на востоке тянулась крутая возвышенная цепь в тем-

ных коврах княжеских садов. По ее верху проходила граница с владениями князя Бечкана, который не был мусульманином, но старался поддерживать мир между адыгами. А вдоль того взгорья протекал Пшиш, и там же находилось имение Тлизанда Чейиш.

Слева от дороги, по которой ехали всадники, раскинулось насколько хватало глаз, зеленеющее озимью поле, пожалованное князьями старшим дворянам Коджемафам. Справа чернело выжженное поле тфокотлей, селение которых курилось вдали кизячным дымом. Поле источало плодородный весенний запах, словно требуя вспашки. Солнце, уже касавшееся на западе потемневшего в его ставших багровыми лучах леса на предгорье, светило всадникам в затылок.

Впереди на серо-желтой извилистой полосе дороги между полями показалось движение. Когда приблизились, стало понятно, что это большая толпа людей, идущих навстречу всадникам. Слышались звуки бодро играющей свирели и переливчатая дробь барабана, торжественное дружное пение многих мужских голосов.

– Это славят Созереша! – воскликнул осененный догадкой Псекабз.

«Значит, еще помнишь жизнь тфокотлей!» – подумалось

Тлизанду.

– Обращаются с мольбой к вымышленному богу! – вслух сказал Тлизанд, желая укрепить в своих воспитанниках неприязнь к язычеству. – Вместо того чтобы благодарить и славить одного Бога, который создал их и наделил всем нужным для пропитания – Аллаха. Аллах может разгневаться на них и наказать их!

– Конечно! – произнес Ужи. – Никому ведь нельзя молиться, кроме Аллаха! Они попадут в Ад и никогда оттуда не выйдут, так?

– Да, – сказал Тлизанд. – Этим людям надо плакать и каяться, а они веселятся!

– Потому что они неразумные люди! – проговорил Псекабз.

Процессия нарядно одетых тфокотлей под песни, славящие бога Созереша – покровителя земледелия, под звуки свирели и барабана шагала по серо-желтому грунту дороги. Завидев едущих навстречу князя и дворян на конях, тфокотли посторонились, уступая дорогу. Когда Тлизанд и другие охотники стали проезжать мимо, раздался дружный приветственный гул голосов:

– Добрый день, наш зиухсан! Здоровья и счастья тебе, твоему дому и твоим служителям!

– Добрый день, адыги! – ответил, проезжая, Тлизанд. – Пусть горе минует ваши дома!

Всадники проехали мимо тфокотлей, и те, снова встав в колонну, двинулись по дороге вдоль своего поля, под игру свирели и бой барабана прославляя Созереша. Тлизанд знал, что раз они совершают этот обряд, значит, собираются на днях начать пахоту. Он подумал, что надо поторопить к этому и своих людей. Среди тфокотлей, не знавших ни ногайского, ни турецкого языка, не видевших в своей жизни почти ничего, кроме своего селения с их общими полями, выгонами, садами и лесами, было очень немного мусульман. В этом селении Гогут было только две мусульманские семьи, и Тлизанд знал, что их соседей очень раздражает, что они не выполняют обрядов религии тфокотлей. Тфокотли считали, что если не соблюдать эти древние обряды, их постигнут несчастья. И в неприязни к языческой религии невежественных простолюдинов были едины все князья и дворяне: и мусульмане, и те, кто оставался христианами. Это не замедлило проявиться и сейчас: Тлизанд услышал за спиной едкие усмешки дворян, раздавшиеся как только охотники отделились от процессии тфокотлей.

Впереди ехал, как и следовало, сам Тлизанд со своими маленькими слугами по левую и правую руку. За ним следовали, разговаривая о минувшей войне в Натухае, Едыдж – хозяин озимого поля слева от дороги, и Псечеф. Дальше ехали, тоже коротая дорогу в беседе, Батыр и Тыгуж. А затем уже проезжали прочие дворяне, служившие старшим дворянам. Замыкали колонну люди из княжеской челяди на простых конях, везшие добычу и прочую поклажу.

Псекабзу и Ужи было скучно постоянно ехать строго рядом с князем. То и дело они, весело перекрикиваясь, пускали коней в сторону, заскакивая на них в поля и вспугивая стаи сидевших на удобренной земле птиц. Потом, вообразив, что преследуют «дорожных шайтанов», они начали с гиканьем, свистом и криками: «Аллаху акбар!», скакать по дороге, щелкая плетьюми и то опережая князя, то заскакивая назад и вынуждая притормаживать Едыджа и Псечефа. С одной стороны, Тлизанду было приятно наблюдать, как играют растущие в его доме, у него на глазах дети, с другой стороны, он знал, что по крайней мере Едыджа раздражает, что рабы преграждают путь его коню.

– БисмиЛлах, будьте как верные воины князя! – сказал Тлизанд мальчикам. – Не отъезжайте от князя, потому что тогда вы можете не заметить, как на него нападут враги.

– А тут кругом враги – шайтаны! – весело проговорил Ужи, гарцуя возле поля тфокотлей. – Даже старшие дворяне Иблиса!

– Шайтанов поражают не саблей, а Кораном, – сказал Тлизанд. – Езжайте же рядом со мной и бисмиЛлах читайте Коран! Пусть сгорают от него слуги Иблиса!

– А давай читать Коран! – воскликнул Псекабз, обращаясь к Ужи. – Пусть и вправду сгорают шайтаны!

Найдя себе новое занятие, дети пристроились обратно к Тлизанду слева и справа от него и начали вслух нараспев читать короткие суры Корана. Правда, через некоторое время они и тут начали забавляться, неестественно резко то поднимая, то понижая голоса, потом начав один громче другого читать разные суры. Но Тлизанд решил дать им отдохнуть после езды по лесу и не требовать слишком строго соблюдать сложный для их лет порядок пребывания среди дворян. Лишь когда их утомило чтение Корана, и они снова принялись бойко гарцевать по дороге, то и дело ненароком преграждая путь коням Едыджа и Псечефа, Тлизанд сурово сказал:

– Хватит играть! Вы выезжаете перед первыми дворяна-

ми, а это значит оскорбить их! Вы же адыги, так слушайте же вашего князя и езжайте там, где положено!

После этого мальчики, продолжая оживленно переговариваться, поехали смирно по обе руки Тлизанда. Слева и справа от него теперь звенели два детских голоса, старавшихся докричаться друг до друга. Следовало бы до возвращения в имение запретить мальчикам разговаривать друг с другом, перекрикиваясь через князя, но Тлизанд не стал этого делать. Не будь его дворяне мусульманами, хорошо понимающими друг друга, наверняка они осудили бы Тлизанда за то, что он позволяет так вольно вести себя своим рабам, пусть и маленьким. Да и не то что рабу – дворянину, кроме старших, было неприлично громко говорить перед князем. Тлизанд, однако, испытывал в значительной мере чувство вины перед своими прислужниками: ведь это его дворяне убили или продали ногайцам их родных, хотя это и было законное право победителей. Поэтому он решил сейчас ничего не говорить мальчикам, но перед следующим выездом куда бы то ни было настрого запретить им нарушать адыгские приличия и на людях вести себя перед князем так, как и подобает слугам.

Когда сумерки уже стали сгущаться над долиной, всадники по прочному дубовому мосту переехали с шумом кативший свои никогда не иссякающие мутные воды к дале-

кой большой реке Пшиз Пшиш. Подковы благородных коней громко застучали по деревянному настилу. На правом берегу Пшиша располагались дворянские имения. Часть дворян, пожелав своему князю доброго отдыха, забрав свою долю добычи, уехала налево – в свои дома. Тлизанд с прислужниками, Едыджем, Тыгужем, их дворянами, своими личными воинами и людьми поехал по дороге направо – в сторону Чейища. У подножия холма, обнесенного сложенной из тяжелых бревен стеной, на котором раскинулось имение, он распрощался с большинством дворян, которые разъезжались дальше по своим домам, и свернул на ведущую на холм через дубовые ворота дорогу. С ним поехали Псекабз и Ужи, два воина-телохранителя – бывшие тфокотли Гушоб и Тлешуко, и везшие княжескую долю добычи люди. Надо было успеть домой прежде чем багровый закат над отдаленным западным взгорьем исчезнет: уже подошло время вечернего намаза. Пора было отдавать главный долг Аллаху, создавшему Тлизанда и его служителей, одарившего их всех пищей и богатством.

В сумерках слева и справа потянулись плетеные ограды дворов людей, за которыми стояли небольшие дома с широкими соломенными и тростниковыми крышами, подпираемыми деревянными колоннами. В домах за маленькими окнами поблескивали огни очагов; пахло кизячным дымом.

– Мои люди, – обратился Тлизанд к сопровождавшим его слугам. – пусть каждый из вас возьмет по одной птице из моей добычи, и разъезжайтесь по домам бисмиЛлах.

Забрав подаренную им князем птицу, почтительно поклонившись в благодарности и пожелав князю доброй ночи, люди стали разъезжаться по своим домам. А Тлизанд с мальчиками и телохранителями, сам везя в котомке оставшуюся добычу: заднюю ногу косули, зайца и тетерку, подъехал к родовому двору. Большой дом с застекленными окнами, ярко светившимися, прочными дубовыми колоннами, поддерживавшими крышу, стоял на самой вершине холма. Широкий двор вокруг него был обнесен высокой плетеной оградой. В западной части двора стояла кунацкая, в восточной – деревянная дозорная башня, на верхней площадке которой всегда стоял вооруженный княжеский воин. Даже в мирное время дома знатных людей могли подвергнуться грабежу какой-нибудь иноплеменной шайкой, если хозяева были беспечны. Для защиты же от грабителей по двору бегали четыре здоровых пса. Уже подъезжая к воротам, Тлизанд сказал телохранителям:

– БисмиЛлах езжайте отдыхать! Благодарю вас за службу! Завтра можете ко мне не приезжать, если не позову.

– Доброй ночи, зиусхан! – сказал Гушоб, и Тлешуко, кив-

нув, вторил ему: «Доброй ночи!». – Мы до конца дней, иншаЛлах, служим твоему роду!

– Ассалям алейкум! – сказал Тлизанд.

– Ваалейкум ассалям!

– Ваалейкум ассалям!

Тлизанд попрощался с воинами, пожав им руки, так как они были с тех пор как поступили к нему на службу дворянами, хотя и младшей степени. После этого Гушоб и Тлешуко уехали по своим домам, находившимся рядом с именем князя, а Тлизанд с мальчиками стал въезжать в свои ворота. Те уже отворял, заслышав голос вернувшегося господина, раб-привратник Блехадж.

– Добрый вечер, зиусхан! – произнес он. – Удачна ли была охота?

– Удачна, – ответил Тлизанд, проезжая с Псекабзом и Ужи в ворота. – Господь к нам милостив.

– Да, милостив к нам Господь! – кивнув, сказал Блехадж. – Ему все поклоняются: и ты, зиусхан, и твои дворяне, и тфокотли, и мы, рабы.

– Да, – сказал Тлизанд, спешиваясь; Псекабз и Ужи тоже слезли с коней на мазанный глиной двор. – но мы не поклоняемся никому, кроме одного Бога, который властвует один над всем миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.